

Альваро
Энриге
МГНОВЕННАЯ
СМЕРТЬ

18+

Альваро Энриге
Мгновенная смерть

«Издательство Ивана Лимбаха»

2013

УДК 821.134.2.(72)-31 "19" = 161.1 = 03.134.2
ББК 84.3(7Мек) 6-44-021:83.3

Энриге А.

Мгновенная смерть / А. Энриге — «Издательство Ивана Лимбаха», 2013

ISBN 978-5-89059-424-2

В полдень 4 октября 1599 года на общественной теннисной площадке на пьядца Навона в Риме встречаются два необычных соперника. Один – известный художник из Ломбардии, чье творчество навсегда изменит представления современников о живописи. Другой – молодой поэт, впоследствии ставший одним из столпов золотого века испанской литературы. Роман-приключение представляет знакомых героев (Галилея, Караваджо, Кеведо, Кортеса и многих других), какими мы их никогда не видели раньше, и бросает вызов всему, что мы знаем о европейском колониализме, истории, искусстве и современности. Книга удостоена престижной Премии Эрральде в Испании (2013), Международной премии Елены Понятовской в Мексике и Премии Барселоны. Переведена на несколько языков. Альваро Энриге (р. 1969) – мексиканский писатель, литературный критик, издатель. Преподавал в Нью-Йоркском, Принстонском, Колумбийском университетах, в Университете Мэриленда. Родился в Гвадалахаре, живет в Нью-Йорке.

УДК 821.134.2.(72)-31 "19" = 161.1 = 03.134.2

ББК 84.3(7Мек) 6-44-021:83.3

ISBN 978-5-89059-424-2

© Энриге А., 2013

© Издательство Ивана Лимбаха, 2013

Содержание

Сет первый, гейм первый	7
Правило	9
Обезглавливание	10
О благородстве игры с мячом	12
Сет первый, гейм второй	13
Душа	15
Катыши Болейн	17
«Сменю свет и землю»	19
Сет первый, гейм третий	22
Перерезание горла	25
Правый мячик – святой отец	26
Выживание	28
Сет первый, гейм четвертый	29
Теннис, искусство и древнейшая профессия	31
Завещание Эрнана Кортеса	32
La vermine hérétique[39]	34
Герб Кортеса	35
Гигантские головы	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Альваро Энриге

Мгновенная смерть

Посвящается Худьшике Луиселли, трем Гарсиа: Майе, Мики, Ди, Эрнану Санчесу де Пинильосу, который научил меня читать

Álvaro Enrigue
Muerte súbita

Перевод выполнен по изданию:

This edition published by arrangement with Frances Goldin Literary Agency, Inc. and Synopsis Literary Agency

Copyright © Álvaro Enrigue, 2013
© Д. И. Синицына, перевод, 2021
© Н. А. Теплов, оформление обложки, 2021
© Издательство Ивана Лимбаха, 2021

* * *

Теннис, наряду со своим «кузеном» фехтованием, стал первым в истории видом спорта, для которого потребовалась особая обувь.

В 1451 году Эдмунд Лейси, епископ Эксетерский, отозвался об этой игре с той же необоримой яростью, с какой моя мама отзывалась о моих юношеских «конверсах», вечно готовых развалиться на куски: *Ad ludum pile vulgaritem tenys nuncupatum*¹. В эдикте Лейси среднеанглийское *tenys* вписано в кислые латинские юридические формулировки: *Prophanis colloquiis et iuramentis, vanis et sepissime periuriis illicitis, sepius rixas*. В коллегиальной церкви Святой Марии в Эксетере послушники завели обычай играть с местными парнями в крытой галерее клуатра. Тогдашний теннис был куда жестче и шумнее нынешнего: одни нападали, другие защищались, о сетке и разделительных линиях никто и не слыхивал, за победу дрались ногтями и зубами, мяч требовалось запустить в своего рода воротца². Поскольку изобрели игру средиземноморские монахи, она не обходилась без душеспасительных параллелей: нападали ангелы, защищались бесы. На площадке веяло смертью и потусторонним миром. Мяч как аллегория души метался между добром и злом, силясь прорваться на небеса, а Люциферовы посланники отрезали ему путь. Вернее, ей, растерзанной, словно мои «конверсы», душе.

Скандалный живописец эпохи барокко Микеланджело Меризи да Караваджо, большой поклонник тенниса, был вынужден провести последние годы в изгнании, потому что проткнул противника шпагой прямо на корте. Улица, где произошло преступление, по сию пору носит название *виа делла Паллакорда* – то есть «улица мяча и веревки». В Риме его приговорили к обезглавливанию, и много лет ему пришлось скитаться между Неаполем, Сицилией и Мальтой. Когда заказов бывало немного, он писал жуткие полотна, выводя собственное лицо на отрубленных головах персонажей, и слал папе или его сановникам в качестве косвенного прошения о помиловании. В конце концов его самого, тридцатидевятилетнего, заколол наемный убийца, подосланный мальтийскими рыцарями, на тосканском берегу, в Порто-Эрколе. Кара-

¹ Внести теннис в перечень игр для черни. [Он ведет] к пустым разговорам и клятвам, тщетному и зачастую незаконному бахвальству, а к дракам – и того чаще (*лат.*). *Здесь и далее примечания переводчика.*

² Имеется в виду прямоугольное отверстие в стенке за спиной у игрока. Его размеры могли варьироваться, поскольку в XVI в. теннис не имел унифицированных правил. Делалось примерно на высоте половины человеческого роста.

ваджо владел шпагой и кинжалом не менее искусно, чем кистью и ракеткой, но сифилис мозга и свинцовое отравление не оставили ему сил защищаться. *Sepius rixas*. Когда его убили, помилование уже лежало у него в кармане, и он направлялся обратно в Рим.

Несколько лет назад я попал на одну из трехсот тысяч книжных ярмарок, которые каждую неделю устраиваются всюду, где только говорят по-испански. Один местный критик так меня невзлюбил, что разразился полным негодования текстом в блоге. Времени или сил прочесть какую-нибудь мою книгу ему не хватило, поэтому он написал: «Как он посмел выступать перед нами в таких драных теннисных туфлях?!» *Vanis et sepissime periuriis illicitis!*

Нет ничего удивительного в том, что люди, чувствующие себя облеченными какой-либо властью, недолюбливают теннис и наши теннисные туфли. Я и сам не прочь поворчать из-за очередной суммы, ухлопанной на адидасовские кроссовки моего сына-подростка. Мы так занасиваем эту обувь, что надевать ее в дождливые дни становится пыткой. Она водонепроницаема, зато непроницаема для ханжества всяческих начальников – потому и недолюбливают.

В первой сцене елизаветинской комедии «Эй, к Востоку!»³ слуга по имени Квиксильвер входит в плаще и странной обуви – туфлях с толстой шерстяной подошвой, ставших прообразом наших теннисных. Его господин обеспокоен: вид юноши свидетельствует, что тот вот-вот ввергнет себя в мир мошенников, убийц и игроков. Объятый тревогой, он поднимает плащ слуги и обнаруживает под ним шпагу и ракетку. Еще один пример власть предержавшего, который утверждается в худших подозрениях на чей-то счет из-за спортивной обуви, – как моя мама, критик, епископ, любой начальствующий.

Когда вид теряет кожаная обувь, мы относим ее к сапожнику, чтобы он вернул ей новизну, отчего она становится похожа на лицо после пластической операции. Другое дело – кеды: их не починишь, они гордо несут на себе шрамы, оставленные нашими необдуманными шагами. Мою первую пару «конверсов» постигла мгновенная смерть. Однажды я пришел из школы – а мама их, оказывается, выбросила.

Не случайно мы в Мексике, если кто-то умер, говорим: «повесил кеды» или «вынесли кедами вперед». Мы – это всего только мы. Мы в постоянном процессе разложения, в полной заднице. Мы носим кеды. Мечемся от зла к добру, от счастья к обязанностям, от ревности к сексу. Душа мечется от одного края корта к другому. Это подача.

³ Сатирическая комедия, написанная английскими драматургами Джоном Марстоном, Беном Джонсоном и Джорджем Чапменом в 1605 г.

Сет первый, гейм первый

Он зажал кожаный мяч большим, указательным и средним пальцами левой руки. Приготовился к подаче: отбил мяч о корт – раз, другой, третий, – поигрывая ракеткой в правом кулаке. Неторопливо прикинул длину и ширину площадки; с похмелья ярость полуденного солнца казалась невыносимой. Глубоко вдохнул: игра предстояла не на жизнь, а на смерть.

Утер жемчужины пота со лба и снова повертел мяч в пальцах. Станный был мяч – трепанный, штопанный, меньше обычного, явно французский, судя по плотности; подскакивал как-то лихорадочно по сравнению с привычными ему полыми испанскими. Посмотрел вниз, расчистил носком проведенную известкой заднюю линию, обозначающую край площадки. Чуть не доходя линии, следует ставить короткую ногу: припадание, которого соперники не ожидали, неизменно помогало побеждать со шпагой в руках, а значит, принесет победу и с ракеткой.

Раздался хохот противника, ожидавшего подачи по ту сторону веревки. Кто-то из явившихся с ним проходимцев пробубнил нечто неразборчивое по-итальянски. По меньшей мере один из свиты противника казался поэту знакомым: горбоносый рыжебородый натурщик с грустными глазами, изобразивший святого мытаря в «Призвании апостола Матфея», которым с недавних пор могла похвастать церковь Сан Луиджи деи Франчези⁴. Он запустил мяч в воздух и проорал: *Tenez!*⁵ Почувствовал, как упруго подались кошачьи кишки, когда мяч со всей силы вцепился в ракетку.

Соперник взглядом проводил мяч, воспаривший под потолок галереи и упавший в угол. Испанец усмехнулся: ядовитой вышла первая подача, неотразимой. Ломбардец уши развесил, думал, хромой его не обставит. Поэт отпустил быстрое, острое замечание – именно такими уроженцы Кастилии обыкновенно пробивают чужие стены и чужую совесть: мол, лучше уж хромой, чем мужеложец. На той стороне корта никто не рассмеялся. А герцог воззрился на него со своего места на крытой галерее со сдержанной улыбкой завязанного кутилы.

Со временем секундант поэта стал испанским грандом по праву наследства, но к осени 1599 года он успел только испробовать на прочность свое здоровье, запятнать имя своей семьи, ввергнуть супругу в пучину тревог и довести до ручки королевских фаворитов. Он отличался приземистостью и бесшабашностью. На его круглой физиономии выделялся до нелепого курносый нос, а глаза, похожие на семечки грейпфрута, глядели насмешливо даже при благостном расположении духа. Короткие волосы курчавились; невыразительная бородка придавала чрезмерно глупый вид. За игрой он следил с неизменно презрительным и лукавым выражением, расположившись под сводом деревянной арки, от которой при хорошей подаче должен был отскакивать мяч.

Ломбардец встал посередине, чуть дальше задней линии корта. Изготовился принимать подачу. Шайка бездельников замерла в почтительном молчании. Новая подача тоже получилась удачной. Мяч ударился о кровлю на его стороне и упал к ногам противника, словно дохлый. Герцог огласил счет: *30-Love*⁶! На самом деле он произнес «лоф», но итальянцы прекрасно поняли.

Приободрившись, испанец вытер правую ладонь о панталоны. Покрутил мяч в левой руке. Он так потел, что мяч обрел эффектную глянецвитость – даже плевать на него не пришлось. Потел не от жары, а от жара, ввергающего в чистилище озноба всех, кто выпил лишку и не успел оправиться. Помотал головой, размял шею, зажмурился, рукавом смахнул пот с лица. Стиснул мяч. Какой-то он все же странный; как бы неправильный, будто и не мяч вовсе, а

⁴ Она же церковь Святого Людовика Французского – церковь в Риме, строившаяся с 1518 по 1589 г.

⁵ *Фр.* Держите! – возглас при подаче в теннисе.

⁶ В теннисе словом «love» обозначается нулевой счет.

талисман. Вдруг именно поэтому его подачи столь сокрушительны? Значит, следует опасаться силы этого мяча в руке противника – тот ведь его лучше знает, – когда право подавать перейдет на другую сторону.

Он покрепче ухватил ракетку и запустил мяч в полет. *Tenez!* Удар вышел такой сильный, что, когда короткая нога вновь коснулась корта, испанец ясно ощутил, как вращение земли на долю секунды замедлилось. Мяч капризно отскочил от кровли. Ломбардец сделал удачный выпад. Испанец попытался на корню пресечь обратный полет, но не получилось. Игра продолжилась: на его счастье, мяч попал в столб, отскочил; он выловил его и послал вглубь корта. Неплохое решение, но слишком долгий маневр, а супротив такого соперника у испанца в распоряжении была лишь непредсказуемость. Миланец с лентой отбежал назад и выполнил драйв⁷, который поэту не удалось вытянуть.

«30:15!» – прокричал герцог. Из всех пришедших с ломбардцем прилично вел себя один секундант – молчаливый математик, казавшийся старше остальных. Он вышел на корт и поместил мелом точку, где мяч отскочил, но сперва обернулся и посмотрел на помощника испанца. Герцог, безразлично пожав плечами, подтвердил, что место верное.

Поэт не сразу продолжил матч. Покуда медлительный математик делал отметки, он отошел к галерее. «Превосходно выступаешь, – сказал ему герцог, – ты так не играл даже в лучшие времена». Поэт надул щеки и с шумом выдохнул. «Мне нельзя проиграть», – сказал он. «Нельзя», – согласился секундант.

Следующая схватка вышла долгой и ожесточенной. Испанец защищался на задней линии и отбивал мячи так, будто сражался с целым войском. «Подбирайся, подбирайся!» – то и дело кричал герцог, но мощь врага всякий раз заставляла поэта отступить после краткого продвижения вперед. На последнем дыхании он взял драйв, повернувшись к сопернику спиной, – ход зрелищный, но не практичный. Ломбардец коротким ударом отправил мяч в стенку, совсем близко к воротцам. Попадание в воротца считалось полной победой. «Ровно!» – прокричал герцог. *Parità*⁸, – подтвердил математик. Поэт запустил высоко, в самый угол под заднюю линию. Вроде и не аут, а попробуй, отбей. 45:30. «Обошел!» – завопил испанский дворянин. Математик безмятежно кивнул.

Напоследок ум взял верх над силой: поэт не дал себя запугать и загнал художника в угол. Первой же резаной подачей его уничтожил. «Гейм!» – крикнул герцог. *Cacce per Spagna!*⁹ – ответил математик.

⁷ Крученный (с верхним вращением мяча) удар в теннисе, обычно по отскочившему мячу.

⁸ Ровно (*ит.*).

⁹ Здесь: гейм в пользу Испании! (*ит.*)

Правило

Ракетка. Игра наподобие игры в мяч. Один защищается, другой нападает, а после – наоборот. В случае равного счета игроки, бегая взапуски, определяют, кто защищается, а кто нападает в третьей схватке, называемой мгновенной смертью¹⁰. При подаче мяч непременно бьет в дощатую поверхность сбоку от площадки, откуда падает внутрь и разворачивается. Ракеткой также называется лопатка, имеющая деревянные края и сетчатую середину, сплетенную из толстых струн для виуэлы¹¹. Ракетку держат за ручку и отбивают мячи. Удар выходит весьма жесткий и сильный. В игре следует набирать очки, но тот, кто отправляет мяч в воротца, выигрывает схватку, а выигравший три схватки кряду или четыре в любом порядке становится победителем всей игры.

*Толковый словарь испанского языка
(«Словарь авторитетов»¹²), Мадрид, 1726*

¹⁰ В спорте способ разрешить ничью, при котором игра продолжается до первого минимального перевеса. В теннисе примерно соответствует тай-брейку.

¹¹ Струнный щипковый инструмент в Испании XV–XVI вв., по форме напоминавший гитару, по строю – лютию.

¹² *Исп. Diccionario de Autoridades* – первый толковый словарь, подготовленный Испанской Королевской академией языка и опубликованный в шести томах в период с 1726 по 1739 г. Значения большинства слов в нем проиллюстрированы цитатами из авторитетных текстов – классической испанской литературы XVI–XVII вв., – считавшихся образцами хорошего вкуса и правильного словоупотребления.

Обезглавливание

Утром 19 мая 1536 года Жану Ромбо предстояло выполнить самую что ни на есть гадкую работу: одним махом отсечь голову Анне Болейн, маркизе Пембрук и королеве Англии, женщине столь выдающейся красоты, что ради нее не грех было и пересечь Па-де-Кале. Одиозный сановник Томас Кромвель нарочно послал за Жаном во Францию ради одной этой казни и в немногословной записке попросил его захватить толедский клинок изумительно тонкойковки – действовать требовалось деликатно.

Ромбо не любил; незаменимым он тоже не был. Беспринципный красавец, он хладнокровно передвигался внутри весьма узкого круга весьма узких профессионалов, расплодившихся при дворах эпохи Возрождения с молчаливого согласия послов, советников, секретарей и камергеров королевских особ. Вследствие немногословности, приятной наружности и отсутствия совести он идеально подходил для неких дел, о которых все знали, но никто не говорил, темных дел, без которых никогда не вершилась политика. Одевался неожиданно роскошно для ремесла ангела-убийцы: носил дорогие кольца, узкие панталоны с парчовыми вставками и рубашки из королевского синего бархата, не полагавшиеся ему как сукиному – во всех смыслах – сыну. В пышную каштановую шевелюру со светлыми прядками вплетал аляповатые побрякушки, которые таскал у своих женщин, – Господь даровал ему различные охмурительные умения. Никто не знал – помалкивает он от большого ума или от большой дурости: синие глаза с немного отвисшими у внешних уголков веками никогда не выражали сочувствия, как, впрочем, и любого другого проявления живости. К тому же он был француз: убийство королевы Англии являлось для него скорее долгом, нежели преступлением или подвигом. Кромвель вызвал его в Лондон как раз потому, что это последнее обстоятельство, по его разумению, сообщило бы работе особую гигиеничность.

Умертвить Анну толедским клинком, а не топором, подло перебившим позвоночник ее брату – обвинение в любовной связи с королевой принесло ему рекордный по числу причин смертный приговор (оскорбление величества, прелюбодеяние, кровосмешение), – не было решением короля Генриха. Просто никто, даже одиозный Томас Кромвель, и представить себе не мог, чтобы такую шею разрубила громоздкая секира.

Утром 19 мая 1536 года Анна Болейн прослушала мессу и исповедалась. Перед тем как констебль увел ее к площадке Тауэр-Грин, где ее естеству предстояло разделиться надвое, она попросила, чтобы честь срезать ее толстые рыжие косы и обрить голову предоставили ее фрейлинам и никому другому. На большинстве дошедших до нас портретов – в том числе на единственной копии единственного прижизненного, из тюдоровской коллекции в замке Хивер, – королева предстает обладательницей внушительной копны густых кудрей.

Надо полагать, супружеская спальня неблагоприятно влияла на либидо Генриха VIII, столь же плодовитого во внебрачных приключениях, сколь никчемного в обзаведении законным монаршим потомством. Кому, как маркизе Пембрук, не знать! Она сама понесла от короля всего один раз, во время загородной прогулки, когда он еще был женат на предыдущей королеве. У них родилась девочка, которая не уступала в красоте матери и к которой государь изъяснял нарочитую нежность, свойственную кровопийцам. Анна Болейн, таким образом, вошла на эшафот, осознавая статистическую возможность восшествия ее дочери Елизаветы на престол – каковое в итоге и состоялось. За миг до казни она излучала обоснованную радость. Ее последние слова, произнесенные перед свидетелями смерти: «Я молю Бога пощадить короля и позволить ему долго властвовать над Англией, ибо никогда не было правителя прекраснее и благочестивее его».

Что такого в наготы, теоретически одинаковой в своих проявлениях, что она сводит нас с ума? По идее, голыми нас должны поражать лишь монстры, а мы меж тем приходим в тем боль-

шее волнение, чем увиденное ближе к стандарту. Фрейлины, сопровождавшие Анну Болейн к эшафоту, отстегнули с ее платья воротник и сняли ожерелья. Им было не страшно обнажить ее голову и лицо, не утратившие ни толики красоты: бритой наголо она выглядела не хуже, чем с волосами.

Голубоватое сияние шеи, подрагивающей в ожидании удара, растрогало Ромбо. По рассказу очевидца, приглашенный палач не поленился галантно отвлечь нагую от лопаток до макушки даму. Высоко занеся клинок и изготовившись вонзить его в шею королеве, он вдруг рассеянно спросил: «Не видал ли кто мою шпагу?» Анна пожала плечами, возможно с облегчением, надеясь на какую-нибудь спасительную случайность. Закрыла глаза. Позвонки, хрящ, пористые ткани трахеи и глотки произвели при разделении элегантный звук пробки, выскакивающей на свободу из бутылки вина.

Жан Ромбо отклонил кошель с серебряными монетами, протянутый Томасом Кромвелем по завершении работы. Обращаясь к собравшимся, но глядя в глаза интригану, убравшему королеву с трона, он сказал, что согласился участвовать, только чтобы избавить даму от позора отвратительной обычной казни. Сделал намек на поклон в сторону прочих придворных и священнослужителей, лицезревших обезглавливание, и, недолго думая, галопом унесся в Дувр. Перед этим констебль уложил ему в переметную суму тугие косы Анны Болейн.

Ромбо увлекался теннисом, и плата показалась ему справедливой: волосы казненных через обезглавливание обладали исключительными свойствами, и парижским изготовителям мячей можно было заломить заоблачную цену. Тем паче за женские, тем паче за рыжие. Не говоря уже о косах самой настоящей королевы.

Из волос Анны Болейн получилось в общей сложности четыре мяча. Без сомнения, то были самые роскошные спортивные снаряды Ренессанса.

О благородстве игры с мячом

Первым делом следует понять, как игра с мячом устроена ради превосходной и разумной цели, имеется ли в ней, как во всяком достойном и ценном искусстве, подражание природе, во всех явлениях которой заложены мудрые уроки. Заметим, к примеру, как древние и рассудительные изобретатели этой игры, видя, что она распаляет и доводит до неистовства даже самых бледных и слабых юношей, предусмотрели избежание всяческого урона сопернику. Мяч никогда не ударяют прямо в воздухе (ниже мы поясним правила), но только после отскока от земли; тем самым устраняется возможность навредить принимающему. Подобным образом отвечающий игрок ждет, чтобы мяч коснулся земли и вновь подпрыгнул, чтобы очко оказалось засчитано. Если игрок желает обрести преимущество, он вынужден проявить благородство и дать противнику время оправиться от удара.

Антонио Скаино.

Трактат об игре с мячом, 1555

Сет первый, гейм второй

Перед началом второго гейма испанец подошел к своему секунданту. «Игрок он сильный, да и площадку знает, – заметил герцог. – Ты выиграл только потому, что он тебя недооценил». – «Я моложе, – ответил поэт, – я силой возьму». – «Но нога-то у тебя короткая». – «Оно и к лучшему – неожиданнее». – «Зато усилий вдвое больше». – «Мне подобраться поближе?» – «Да он тебя размажет; видал, какие у него подачи?» – «Загнать его в угол?» – «Считай – положить на удачу; лучше вымотай его: видно же, что он не выдержит, а ты потихоньку, очко за очком, вперед, под заднюю линию, по углам». Поэт фыркнул, утер пот со лба, подбоченился и уставился в землю, словно ожидая более четких указаний. Может, не мучайся он похмельем, предстоящий матч не казался бы ему таким безнадежным делом. «Тяжко придется», – сказал он. «В таком случае – откажись, – отвечал герцог, – но ты ведь сам затеял эту дуэль». Не поднимая глаз, поэт произнес: «Мы можем сразиться и на шпагах, быстрее выйдет». Герцог покачал головой: «Не хватало еще лишнего скандала; к тому же он чертовски ловкий фехтовальщик». Поэт пробурчал: «Я пока что ни разу не проигрывал». – «Вот и я о том же». – «Ладно, очко за очко?» Напоследок он спросил: «Ты заметил, что они не разговаривают?» – «Кто?» – «Он и его помощник». Герцог не придал этому значения: «И что? Вчера вечером они тоже не разговаривали; думаю, они и не друзья вовсе, сам посмотри». Соперник даже не подумал подходить к галерее. Математик, казалось, внимательно изучал пылинки, плывшие в воздухе.

Их взгляды вновь обратились к сопернику. Вид у того был мрачный, что внушало опасения. Он лишился былой уверенности и потому, ясное дело, прищипывал свое честолюбие. Вопрос не жизни и смерти, но победы и поражения – то есть куда более сложный и хлопотный: тому, кто проигрывает дуэль на шпагах, не приходится потом с этим жить.

Поэт неторопливо изучил соперника. Нездоровая бледность, чернящие волосы торчат во все стороны. Густые брови, тяжелая борода как попало обрамляет темный красный рот, похожий на влагалище. Поэт близоруко прищурился. А он вроде сильный, крепко сбитый, как солдат, несмотря на болезненный облик. Словно павший легионер из Неаполитанской терции¹³ явился сыграть в последний раз в ракетку, чтобы бог знает что доказать живым. «Он всегда такой испитой или только с похмелья?» – спросил он у герцога. «Кто?» – «Художник». – «Не знаю, я больше к секунданту присматривался; взгляни-ка». Тот сидел в одиночестве на галерее и сверлил корт тревожно пристальным взглядом. «И на что мне тут глядеть?» – «Он знаменитый математик». – «Что с того?» – «А то, что он не дурак; он, сучий сын, что-то рассчитывает: для него корт все равно что бильярдный стол». Поэт набрал слюны и пожал плечами. Харкнул. «Пойдем».

Поднял мяч и вопросительно проорал: *Tenez?* Вурдалак глянул на него, будто с другого берега реки мертвых, и без улыбки кивнул. Сдул волосы с левого глаза. Лоб у него блестел, но не от пота, а от жира. Уже на линии подачи испанец понял, что противник все-таки получает указания от своего секунданта: математик изображал последовательности чисел пальцами, указывая то вверх, то вниз, то на себя. Движением ракетки он обратил внимание собственного помощника на эти пассы. Герцог нервно сжал челюсти. Поэт отбил мяч от линии, запустил в воздух: *Tenez!*

Подача вышла посредственной, а ответный удар – бешеным. Художник выхватил мяч из воздуха и с звериной силой впечатал прямо в лицо поэту. Тот пытался закрыться, но основа-

¹³ Неаполитанская терция – одно из воинских подразделений, созданных при Карле I Испанском и комплектовавшихся наемниками. Позднее вместе с Ломбардской и Сицилийской стала именоваться «Старыми терциями».

тельно получил между шеей и щекой. *Quindici-Amore!*¹⁴ – педантично прокричал математик резким, как у рыночного торговца, голосом, но без намека на злорадство.

Поэт ссутулился в ожидании, пока пройдет боль. Поднял голову медленно, чтобы не кружилась, потер щеку и в недоумении уставился на соперника: никогда в жизни он не видел ничего подобного. Художник сложил ладони на ручке ракетки, словно в молитве. Так он просил прощения и соглашался с потерей очка из-за неджентльменского поведения. Герцог изобразил удивление на своем безбровом лице. Поэт с силой надавил на висок средним и большим пальцем, подобрал мяч и, не растирая больше щеку, вернулся на линию. По тому, как серьезно, глубоко дыша, он готовил новую подачу, герцог понял: он в замешательстве. А еще плюет на мяч почти в открытую, как не принято в подобных играх. Но никто вроде бы не возражает.

Tenez! Мяч ударился о край карниза, почти у самой веревки. Отскочил он неудачно, поскольку был мокрый от слюны. Ломбардец даже не удосужился отправиться за ним, хотя явно мог взять. Дождался, когда мяч остановится, поднял и вытер о панталоны, молчаливо уличая испанца в жульничестве. Это возымело действие: одно дело – по-мужски утратить рыцарскую галантность в порыве ярости, и совсем другое – потихоньку схитрить, как какая-нибудь монашка. Поэт стал сам себе противен. Герцог не засчитал очко. «Повторяем подачу», – сказал он.

Стукнул мячом об землю, послал в полет. *Tenez!* Художник принял мяч с потолка, замахнулся от плеча на триста шестьдесят градусов и вколотил мяч в ракетку, будто гвоздь в запястье Христу. Мяч опять отправился в лицо поэту. Пришелся по макушке – тот успел нагнуться. *Trenta-Amore!*¹⁵ – выкрикнул математик.

Испанец выпрямился со слезами на глазах, потирая голову. Наклонился за мячом – замутило. Присел на корточки, потрогал затылок. Он не желал даже взглянуть в сторону галереи: еще напорешься на ухмылку кого-нибудь из этих чурбанов, которые приперлись с противником и теперь скажут у него за спиной. «Это еще что? – спокойно осведомился герцог, пока поэт выпрямлялся. – Ты ведешь, старик, продолжай в том же духе». – «Что мне делать?» – «Ничего, подавай дальше, и твоя победа станет твоей мстью».

Tenez! Мяч развернулся удобным для художника образом: дважды ударился о потолок галереи и, как перышко, спланировал в центр корта. Чтобы тут же камнем врезаться поэту прямым в яйца. Тот и не углядел мяча. Рухнул как подкошенный. Откуда-то из поплывшего перед глазами мира услышал крик математика: *Amore, amore, amore; vittoria rabiosa per il spagnolo*¹⁶.

Когда он смог поднять голову, то увидел, что даже герцог трясется от хохота. Что уж говорить о сопернике, апостоле Матфее, математике и прочих бездельниках! Они хватались за животики и гоготали до слез.

¹⁴ Пятнадцать-ноль! (*ит.*)

¹⁵ Тридцать-ноль! (*ит.*)

¹⁶ Ноль, ноль, ноль; сокрушительная победа испанца (*ит.*).

Душа

Французский энциклопедист Франсуа де Гарсо, автор нескольких руководств по изготовлению предметов культа, париков, нижнего белья, а также спортивных снарядов – «тривиального ремесла», как он сам это определяет во втором издании своего «Искусства изготовления ракеток», – еще в 1767 году признавал существование двух видов мячей: собственно мячей, сделанных из грубой шерсти и ниток и обшитых белой тканью, и «*éteufs*»¹⁷ – которые в испанском языке чуть ли не до середины XVII века носили название «*pellas*», то бишь «катыши», – набиваемых сгустками жира, мукой и волосом.

Катыши покрывались бараньей кожей, сшитой квадратиками, и напоминали наши бейсбольные мячи швами наружу. Тканевые мячики использовались только на крытых площадках с дощатым или плиточным полом и имели обыкновение разлезаться после трех-четырёх встреч, а вот катыши могли годами не терять силу удара и летучесть, ибо были созданы, чтобы отскакивать от мощных галерей и потолков клуатров, а также от застывшей глины площадей, где в теннис играли на деньги.

В 1930-х годах команда реставраторов, обновлявшая потолки главного зала Вестминстерского дворца, обнаружила между балками два катыша, относящихся, вне сомнения, к XVI веку. Выглядели они как новенькие. Генетический анализ волос из этих катышей не выявил никакой связи с семейством Болейн. Что неудивительно: Генриха VIII можно обвинить во многих ужасающих грехах, но только не в отсутствии вкуса. Известно, что он ни разу не покупал и не принимал в дар катышей, начиненных волосами одной из своих покойных супруг.

В написанном в пору Просвещения руководстве Франсуа де Гарсо уже не говорится, как делать мячи из человеческих волос. Возможно, автор не знал, что во времена Ренессанса и барокко этот материал был самым что ни на есть расхожим на открытых площадках, где на исход теннисных матчей принимали ставки. И непохоже, чтобы Гарсо, человек практичный и сосредоточенный на педагогических аспектах, был любителем литературы: в комедии «Много шума из ничего» закоренелый холостяк Бенедикт столь волосат, что бороды его, по Шекспиру, хватило на несколько теннисных мячей.

Исследования, произведенные над катышами с вестминстерских балок, а также некоторые подсказки, которые можно извлечь даже при беглом прочтении многословного «Трактата об игре с мячом», опубликованного Антонио Скаино в 1555 году, свидетельствуют, что ядро у катыша было точно такое же, как у салонного мяча: грубая шерсть перемешивалась с клейстером; смесь покрывали холщовыми лоскутками и нитками и придавали округлую форму легкими постукиваниями металлической лопатки. После чего мяч обвязывали шнурком и таким образом делили на девять долек, начиная с верхнего «полюса». Затем мяч поворачивали на сорок пять градусов и отсчитывали девять долек от новой верхней точки. И так далее, пока не получится девять «полюсов» и девять «экваторов». Каждый мяч – мир, планета с восьмьюдесятью одной нитяной ячейкой. В конце эта маленькая планета, представлявшая для древних человеческую душу, покрывалась сукном и белилась.

Катыш соорудили почти так же, но, как правило, в неблагоприятных условиях, часто втайне: в использовании человеческого волоса виделось нечто зловещее, и не всякий был готов взяться за предмет и вдохнуть в него жизнь с помощью того единственного, что по кончине не гнивает. Вместо холщовых лоскутков на ядро клали пряди волос, скрепленные жиром и мукой. Мячи получались легче, шершавее, рикошетили, как черти.

¹⁷ «Мяч» (фр., уст.).

Вероятно, именно из-за этого волосяного нутра, читай – души, католическая Европа и находящаяся в процессе завоевания Америка эпохи Ренессанса и барокко усматривали в изготовлении катышей нечто дьявольское.

Катыши Болейн

Едва высадившись во Францискополисе – так нелепо назывался порт Гавр до самой смерти короля Франциска I, – Жан Ромбо пустил слух, что в его распоряжении теперь огненно-рыжие косы Анны Болейн, каковые он намерен превратить в теннисные мячи, призванные обеспечить ему наконец доступ на закрытые корты, где дворянским потом пропитывается по рубахе за гейм, по пять за сет и по пятнадцать за матч. Он всегда подозревал, что его роскошная грива свежевыкупанного льва достойна дощатого и плиточного окружения, игры ради потехи, а не ради денег.

К тому дню, когда мастер мячей вручил ему четыре катыша такой колдовской силы, равной которой не знала история Европы, у порога Ромбо уже выстроилась очередь покупателей, предлагавших баснословные цены под стать сокровищу на кону: сто коров, виллу в Провансе, двух африканцев, шесть коней. Ромбо не удостоил переговорами никого, кроме королевского советника Филиппа Шабо.

С собой он взял только четвертый катыш, поменьше трех остальных, который сначала хотел оставить себе в качестве амулета. Катыш был завернут в шелковую тряпицу и помещен в мешочек, подшитый для надежности к подкладке плаща Ромбо.

Шабо принял его у себя в покоях, пока его одевали. Они встречались и раньше, но впервые – по такому приятному делу. Жан Ромбо заготовил краткую речь, не чуждую медоточивой риторике прекрасногоубийцы, что-то среднее между мольбой и шантажом. Советник не пригласил его сесть и не позволил долго распространяться. Он даже не обернулся на визитера, облакаемый слугами в голландское полотно и бархат. «Что ты хочешь в обмен на катыши из волос непотребной отступницы?» – спросил он, сосредоточив взгляд на носке своей туфли. «Я принес показать», – ответил Ромбо, неуклюже выуживая мяч из глубин плаща. Советник стряхнул ниточку с колена, не обращая никакого внимания на предмет в почтительно протянутой палаческой руке на другом конце комнаты. «Нам известно, – промолвил он, по-прежнему не достаивая катыш взглядом, – что они настоящие, поскольку посланник испанского короля хотел завладеть ими для своей ворожбы и впал в ярость, узнав, что трофей уплыл во Францию». – «Мне не нужны деньги и владения, – сказал Ромбо. Советник вскинул брови и развел руками полувопросительно-полуутомленно. – Мне нужен скромный титул и место учителя тенниса и фехтования при дворе». – «Я могу это устроить, но сперва принеси мячи». – «Я желаю, чтобы сам король пожаловал мне и то и другое при свидетелях и глядя мне в глаза». Советник впервые взглянул на Ромбо, еще выше подняв брови в притворном замешательстве. «Король, право же, немного занят, отвоевывая Савойю, – сказал он, – но мы пошлем за тобой, когда он вернется в Париж. Он будет очень рад этим мячам; не забудь взять их с собой, когда мой посыльный прикажет тебе явиться в Лувр».

Спустя семьдесят три дня король Франциск I принял Жана Ромбо в Голубом зале, до отказа забитом придворными, просителями и дельцами. Будущий учитель фехтования и тенниса облачился в сшитый к случаю пышный костюм. Он избавился от щетины и собрал увешанные побрякушками волосы в элегантный, по его разумению, хвостик. Получилось и впрямь элегантно, хоть и чересчур по-испански для французского королевского двора.

Ему почти не пришлось ждать аудиенции: король вызвал его сразу по прибытии во дворец и выказал отнюдь не подобающую монарху прыть, бросившись рассматривать катыши Анны Болейн. Но и новую заготовленную речь Ромбо слушать никто не стал. Королева, желавшая присутствовать при важном событии, протиснулась поближе, протаскивая горностаевый шлейф по замызганным сапогам мужниной свиты. Глаза Франциска I сияли, когда он открыл резную шкатулку, на которую убийца ухлопал уйму денег (взятых взаймы, разумеется) и которая в

комнате постоянного двора выглядела великолепно, а теперь, во дворце, казалась мелкой и безобразной.

Король вытащил катыш, подбросил жестом бывалого теннисиста, прикинул увесистость, сжал, покрутил. Замахнулся, будто собираясь послать мяч в воздух и ударить мощной воображаемой ракеткой. Снова сжал. К возмущению королевы, страстно обнюхал, словно хотел, пусть хоть так, затеряться в чарующем аромате кос, пленивших короля Генриха VIII и отбивших Англию у папы. «Говорят, она была красавица?» – обратился он наконец к Ромбо. «Даже когда ее обрили, ваше величество», – единственное, что несчастному палачу довелось сказать при аудиенции. Франциск подкинул мяч и ловко поймал. Оглядел зал, кашлянул, как бы прося внимания, которым и так всегда владел, и сказал: «Новый учитель фехтования немного красивее, чем нам докладывали; он также будет преподавать теннис, так что берегите своих дочерей». Рябь воспитанных смешков пробежала по Голубому залу. «Вам жалуются привилегии, о которых вы просили, – объявил король, глядя в глаза Ромбо, – пожизненно; такова воля короля».

«СМЕНЮ СВЕТ И ЗЕМЛЮ»

4 октября 1599 года в Риме выдалось солнечным. Нет никаких подтверждений, что Франсиско де Кеведо в тот день был там. Но нет и никаких подтверждений, что он был где-либо еще. Лишь одно остается фактом: он не занял полагавшийся ему стул номер 58 на торжественной церемонии присуждения степени бакалавра искусств Университета Алькала-де-Энарес.

Самая внятная версия причины отсутствия Кеведо на выпускном праздновании – его пребывание в бегах после загадочного, совершённого, вероятно, в Мадриде, убийства, в котором он участвовал вместе со своим другом и покровителем Педро Тельес-Хироном, герцогом Осуной и маркизом Пеньяфьелем.

Кеведо познакомился с Хироном давно, когда Франсиско был еще мальчишкой, а Педро – молодым дипломатом на службе у герцога Ферии. Оба входили в многочисленную свиту инфанты Изабеллы Клары Евгении, посланной в Генеральные Штаты¹⁸ в качестве претендентки на французский престол. Трудно было представить себе более нелепое начинание и более гротескное сборище дворян различного пошиба, чем то, что перевалило через Пиренеи вслед за инфантой.

Герцогу Ферии поручалось представить безнадёжную кандидатку в Париже. Педро Тельес-Хирон – в ту пору только маркиз Пеньяфьель, но не герцог, поскольку его никчемный отец еще не скончался, – был доверенным лицом и подопечным Ферии. Восемилетний Франсиско де Кеведо попал в свиту, потому что тогда в путешествия брали детей, а его мать сопровождала инфанту в качестве фрейлины. Сестра Франсиско тоже была фрейлиной, точнее, мениной¹⁹, кем-то вроде комнатной собачки.

Достопамятный переход через Пиренеи: повозки, забитые предметами роскоши, чтобы инфанта на любом постоялом дворе чувствовала себя как дома; кареты, полные дам с прическами-башнями, от которых так и веет знатным духом; впереди – конники в кирасах, отделанных золотом из Индии²⁰: пусть во Франции не забывают, кто хозяин мира, хоть Филипп и управляется с ним не так блестяще, как его отец Карл. Дети, которых, надо думать, было немало, озорничают на подводах с тюками, с хохотом швыряются друг в дружку комьями земли и камушками. И вся эта процессия направляется в Париж требовать от Генеральных Штатов невозможного – вступления на престол Изабеллы Клары Евгении. Женщина не могла править Францией с 1316 года, когда вступил в силу салический закон²¹. Тем более испанка, левша, толстуха, страдающая легкой умственной отсталостью, грызущая ногти и поедающая козявки.

Список участников похода хранится в архивах Национальной библиотеки Испании, и в нем фигурируют имена Кеведо и Хирона. Дошли до наших дней и некоторые анекдоты. В дневнике наперсника матушки герцога Ферии имеется запись времен пребывания в Жироне. Автор сетует, что вследствие медленного продвижения и неспособности инфанты внушить почтение процессия начинает напоминать карнавал: «Чуждый серьезности Хирон напевает песенку, в которой величает ее юное высочество Элефантой». Разумеется, кто же еще это мог быть?

Много лет спустя Осуна и Кеведо вновь встретились в Алькала-де-Энарес. Педро Тельес-Хирон – к тому времени испанский гранд – отличался, как и приятель, остротой языка и неумной мужественностью, до конца жизни оставался пьяницей и забиякой. Умел вляпываться в неприятности – и почти всегда выходил сухим из воды.

¹⁸ Высшее сословно-представительское собрание во Франции, существовавшее с 1302 по 1789 г.

¹⁹ Молодая дама из свиты испанских монархов в XIII–XVIII вв.

²⁰ *Исп. Las Indias* – так вплоть до XVIII в. в Испании называли Америку.

²¹ Здесь: французский закон о престолонаследии, по которому трон мог передаваться только по мужской линии.

Осенью 1599 года его имя встречалось в бумагах по трем судебным процессам. Первый обвинял Осуна в сожительстве с актрисой Херонимой де Сальседо, каковую обвиняемый содержал в своем доме в Алехосе вместе с ее отцом и мужем. Он, однако, отделался легким порицанием, а вот комедиантку, ее родителя и благоверного приговорили к избиению плетьюми, вываливанию в перьях и позорному шествию – как содержанку, сводника и потатчика соответственно.

Второй процесс, куда более щекотливый, касался дядюшки и наставника Осуны, человека влиятельного, несмотря на внебрачное происхождение. Обвинителем дядюшки выступал Хуан де Рибера, архиепископ Валенсии. Ему вменяли убийство супруги и замещение ее на брачном ложе неким пажом, с которым убийца предавался греху содомскому возмутительно часто и охотно.

Дядюшка и паж, вводивший его в раж, подверглись публичной казни на гарроте²², а тела их были сожжены. Несмотря на то что вся Валенсия, по-видимому, могла свидетельствовать о nepотребной связи, Педро Тельес-Хирон до самого конца разбирательства защищал своего наставника и при этом не понес ущерба, хоть и попал под домашний арест, где, вероятно, неплохо провел время, поскольку актриса с семейством еще только дожидались собственного приговора.

Третий же процесс был, вероятно, куда серьезнее и опаснее двух первых, судя по тому, что в архивах не осталось и следа сведений о преступлении, которое Осуна совершил вместе с еще одним бесчинником, возможно, не с кем иным, как Кеведо. На сей раз его заключили в тюрьму Аревало, а потом содержали в его доме в Осуна под неусыпной стражей, состоявшей из четырех альгвасилов²³. Сопоставив множество фактов, историки и дилетанты приходят к выводу, что Хирон оказался в темницах Аревало за убийство одного или нескольких солдат в ходе стычки, имевшей отношение к игре в мяч.

Луис Кабрера де Кордоба в своем «Сообщении о делах при испанском дворе» пишет, что 6 августа 1599 года Осуна, находясь под домашним арестом, испросил разрешения отправиться в Мадрид, дабы поцеловать руку и тем засвидетельствовать верность королю, а «получив оное, злостно уехал в Севилью и, говорят, даже в Неаполь себе на потеху». Весьма и весьма вероятно, что с собой он взял любимого собутыльника, также пребывавшего под домашним арестом.

Не исключено, что в Севилье Кеведо, осознавая свое более уязвимое, чем у приятеля, положение, уговаривал того отправиться вместе в Новую Испанию²⁴ – как отправился повествователь автобиографического романа, который Кеведо написал чуть позже, скрыв свое авторство²⁵. «Видя, – говорит этот персонаж, – что дело не поспешает, а фортуна и того меньше торопится посетить меня, я не по вразумлению – не так уж я рассудителен, – а по утомлению упорствуя в грехе, решил податься в Индии и посмотреть, не вспомнит ли обо мне удача, коли я сменю свет и землю».

В Севилье они, скорее всего, действительно решили добраться до побережья и сесть на корабль, но отправились на юг Италии – часть империи, удобно удаленную от лап альгвасилов Филиппа III. Вице-королем Неаполя и Сицилии был в ту пору герцог Лерма, близкий родственник Осуны и покровитель семейства Кеведо. В конце концов – и это отмечено во многих исторических документах – его супруга, герцогиня Лерма, испросила для юного Франсиско

²² Орудие казни через удушение.

²³ В Испании должностные лица, выполнявшие функции полицейского или пристава.

²⁴ Испанское колониальное государство, вице-королевство на территории современной Мексики, юга США и ряда центральноамериканских стран, существовавшее с 1535 по 1821 г.

²⁵ Имеется в виду плутовский роман «История жизни пройдохи по имени дон Паблос, пример бродяг и зеркало мошенников». Первое издание относится к 1626 г., но в списках текст, по-видимому, распространялся с 1604 г., и Кеведо действительно не желал признавать свое авторство, опасаясь инквизиции.

королевское помилование, что и позволило ему получить степень бакалавра, а затем вернуться к занятиям для соискания степени доктора юриспруденции и грамматики.

А Осуне и помилование не потребовалось. В странах, где говорят по-испански, с обладателями громких фамилий никогда не случается ничего плохого – разве что они повздорят с обладателями еще более громких фамилий, а к таковым несчастные зарезанные солдаты не относились.

Ни поэт, ни герцог не могли долго усидеть на месте: вероятно заручившись покровительством вице-короля Неаполя, они объехали Италию. На рубеже XVI–XVII веков Рим был чертовски привлекательным местечком. Любой день, включая 4 октября 1599 года, всякий с большим удовольствием провел бы в Риме, чем на дурацкой выпускной церемонии.

Сет первый, гейм третий

Наконец он смог подняться на ноги – яйца все еще пульсировали, как будто два арбуза отрасли легкие и давай дышать, – доковылял до перил галереи и высоким голосом объявил секунданту, что играть в таком состоянии не сможет: «Сделай что-нибудь». С боязливой осторожностью поправил промежность. Герцог, которому слезы от смеха застили глаза, положил ему руку на плечо: «Надо играть; Испания дает миру одних солдат да людей искусства – не дай им догадаться, что на войне ты не бывал». – «Но это было нечестно». – «Ты выиграл – все честно». – «А как я буду двигаться? У меня вместо яиц два осьминога». – «Вали подавать».

Ухватившись за перила, поэт сделал пару-тройку приседаний. «Дай шпагу», – попросил он герцога, почувствовав, что способен если не играть, то хотя бы жить дальше. «Не дам; он просто тебя запугивает», – ответил герцог. «Шпагу, говорю, дай». – «Сказал, не дам; это итальянские хитрости – или ты их не знаешь?» – «Да я ее даже из ножен не выну: испанское фанфаронство».

Он опять присел, а когда выпрямился, герцог уже протягивал ему португею со шпагой поверх перил. Не успел он поднести к шпаге руку, как апостол Матфей схватился за оружие соперника. Поэт убрал руку, презрительно сплюнул, растер плевков ногой, взглянул на итальянцев, словно те явились из иного мира, и без лишних слов вернулся на линию подачи. «Хорошо», – сказал герцог и положил португею рядом с собой. Ломбардец еле заметно улыбнулся, кивнул, подтверждая, что противник вернул свое достоинство, и тоже пошел на корт. Математик, который во время происшествия пересчитывал потолочные балки, тем временем уснул. *Tenez!*

Первую пару очков разыграли мощно и ожесточенно (15:15). Художник наконец сосредоточился, а испанец сбросил ярмо похмелья и разыгрался. Третья подача вышла у него необычайно ядовитой, но соперник отбил так, что по корту, казалось, впервые разлился свет. Вопреки ожиданиям и, возможно, вопреки силе земного притяжения испанец подхватил мяч у самой веревки и отбил умело, хоть и не так сильно, чтобы заработать очко. Отбежал назад, догадываясь, что ломбардец станет метить в воротца, но догадка оказалась ложной. Потом без видимых усилий отбивался, защищая углы, пока соперник осыпал его все более сильными, прямыми, смертоносными ударами. Через некоторое время художник добился от мяча желаемого: тот упал камнем, едва перелетев веревку. Секунданты переглянулись: становится интересно. Апостол Матфей, попрошайки, герцог, математик и четверо или пятеро зевак, собравшихся в галерее, заплодировали. *Quindici-trenta*, – выкрикнул математик, – *primo vantaggio per il milanese*²⁶.

Поэт заметил, что в галерею стягиваются люди попроще – возможно, тоже игроки в мяч, которые померяются силами между собой или с его обидчиком, когда придут профессиональные держатели пари. То, как жадно они следили за перемещениями катыша, польстило ему: разве после всех сегодняшних огорчений он не заслужил хоть этого малюсенького триумфа?

Утро получилось тяжелое. Он рано проснулся из-за сухости во рту и давящей горячей боли, – словно к голове прижимали железную пластину, – а растерянность, чувство вины и стыд не дали ему снова уснуть.

«Что, черт побери, вчера случилось?» – спросил он у герцога, когда тот наконец спустился позавтракать в таверне «Медведь», где они остановились. Поэт уже давно сидел на стульях во дворике, не в силах проглотить ни куска, в ожидании кого-то, кто отправился бы с ним на пьядца Навона.

²⁶ Пятнадцать-тридцать, первое преимущество у миланца (*ит.*).

На опухшем лице герцога отпечатались следы подушки, но черный наряд выглядел безупречно: пояс, плащ, шляпа в руке. В ответ на вопрос о вчерашнем вечере он пожал плечами и спросил пива и хлеба со смальцем. *Tiepida o calda?*²⁷ – осведомилась трактирщица. «Смалец горячий, пиво теплое, и яйцо туда выпустите». После первого глотка глаза у него чуть приоткрылись. Приятель так и сидел понурый. «Да ничего не случилось, но надо идти защищать твою честь, и мою тоже, в общем, как обычно». Поэт отметил великодушие герцога, даже не коснувшегося событий прошлой ночи. «А еще честь Испании, герцог, честь Испании». Тот улыбнулся: «Испания пусть сначала заслужит». Проглотил ломоть хлеба, одним глотком допил пиво и уже на ходу натянул перчатки. Поправил португею со шпагой и кинжалом, плотно закутался в плащ. «Идем, – сказал он, – нам нельзя опаздывать».

Стояло позднее утро, и задний вход во дворик был открыт: от улицы их отделяла только двустворчатая дверь, открывавшаяся в обе стороны. Герцог надел шляпу, толкнул одну створку и выглянул прикинуть, много ли народу на улице, прежде чем ступить на мостовую, – пальцы нервно сжали эфес шпаги. Вышел. Внимательно оглядел углы и сказал: «Все чисто». Дождался поэта – тот едва не забыл португею, – не выпуская оружие из руки.

Tenez! Крученая подача под потолок – дело нелегкое, но ломбардец справился, отбил до веревки, хоть и довольно беззубо. Выжил, но утратил равновесие. Испанец заколотил следующий мяч. Тридцать-тридцать. Следующие две подачи вышли долгими и волнительными: зевак все прибывало. *Deuce!* – прокричал математик, возвещая ровный счет сорок-сорок.

Поэту была на руку сдержанная игра на равных. Играть на больше-меньше – значит вытягивать из художника силы, выматывать его. Петлистый, симметричный матч – в самый раз для такого безжалостного дня, когда все словно бы двоится. Утром поэт и герцог пришагали на площадь плечом к плечу, будто сиамские близнецы-альгвасилы. Оба в плащах и шляпах, у обоих правое плечо выставлено вперед. Испанская защита: кулак демонстративно сжат на эфесе. Прохожие, высыпавшие на улицу по разным предобеденным делам, их не трогали. Корты были недалеко, так что по пути не успело случиться никаких неприятностей.

Когда цирк на пьядца Навона открылся тревожным взорам приятелей, апостол Матфей и прочие забулдыги уже торчали у входа в одну из деревянных галерей в форме буквы «Г», внутри которых находились корты, устроенные городскими властями с тем, чтобы плебс укреплял тело и закалял дух – допуская, что дух у плебса есть, – модной в городе игрой. По-прежнему наизготовку и не ощущая неловкости, они проследовали на корт. Там разделались. Герцог бросил взгляд на обелиск Домициана²⁸, в те времена еще служивший солнечными часами. «Почти полдень», – заметил он.

Совершенно беззаботные итальянцы при виде них, устраивающихся на галерее, обнажили головы. Подошли позвать испанцам руки. Несмотря на шпаги – папа запретил римским гражданам носить оружие, – все обращались друг к другу сердечно, даже ласково, как и водится у незнакомцев, вместе переживших попойку. Не обошлось без объятий. Особенно крепко обнимал герцог – нащупывал кинжалы под плащами.

Немного спустя с противоположного конца площади явились соперник и его секундант. Математик, выглядевший много старше своих лет, был, подобно поэту и герцогу, одет торжественно, в профессорский синий плащ и синюю шапочку. Он нес кожаный футляр с приспособлениями для предстоящей дуэли. Художник, павший жертвой собственных представлений о моде, щеголял вместо чулок длинными и узкими черными штанами из грубой ткани. Штаны доходили до самых пяток. Черную рубаху без ворота плотно облегал черный кожаный жилет. Черный плащ испанского кроя выглядел поношенным. На черной шляпе с короткими полями

²⁷ Теплого или горячего? (*um.*)

²⁸ Анахронизм: обелиск, изготовленный в I в. н. э. по заказу императора Домициана и установленный в храме Исиды и Сераписа на Марсовом поле, а позднее украсивший цирк (ипподром) на вилле узурпатора Максенция, будет перенесен на пьядца Навона, где увенчает фонтан Четырех рек, только в середине XVII в.

не нашлось места перу или пряжке. Он был при шпаге: служба у епископа снимала запрет на ношение оружия для римлян.

Какое-то время казалось, что испанец возьмет гейм и весь сет. Он подавал агрессивно и без усилий закрывал весь корт. Если не брал отбитую подачу с лёту, то ловко ловил мяч, отрикошетивший от стены. Когда они сравнялись в третий раз – преимущество у поэта, – герцог с удовольствием заметил, что на другом конце корта кто-то из вновь прибывших передвинул четыре монетки, обозначающие четыре части поединка, на сторону испанца. В то же время апостол Матфей с попрошайками перестали противиться искушению побиться об заклад, наскребли монет и поставили на художника.

По обычаю, пришлый игрок выбирал себе ракетку из двух имеющихся и мяч – из трех, и потому герцога удивило, что у художника нашелся всего один катыш. Он взял его. Ракетки выглядели почти одинаково, и он выбрал ту, что показалась ему более потертой. Если потерянная, значит, ломбардец ее больше любит; забрать ее – обеспечить себе какое-никакое преимущество.

Соперники сняли плащи и сдали оружие секундантам. Разуваться на стали из-за неровностей мостовой. Герцог вытащил монетку, чтобы разыграть право подачи, но художник замотал головой и на ломаном, но понятном испанском сказал, что уступает гостю. Сказал, презрительно косясь на галерею, раскачиваясь всем телом, но при этом излучая обаяние. Когда тень от креста, венчавшего обелиск Домициана, коснулась полуденной отметки на мостовой, математик торжественно и негромко объявил: *Partita*²⁹.

Испанец зажал кожаный мяч большим, указательным и средним пальцами левой руки. Приготовился к подаче: отбил мяч о корт – раз, другой, третий, – поигрывая ракеткой в правом кулаке, вращая ее вокруг своей оси. Сглотнул слюну и снова повертел мяч в пальцах. Посмотрел вниз, расчистил носком проведенную известкой заднюю линию, обозначающую край площадки. Запустил мяч в воздух и проорал: *Tenez!* Почувствовал, как упруго подались кошачьи кишки, когда мяч со всей силы вlepился в ракетку.

Художник принял великолепную позу на задней линии корта, крепко врос в землю. Положил мяч недалеко от веревки. Испанец подал и снова проиграл очко.

Математик прокричал: *Cacce per il milanese!*³⁰ «Доведем до четырех подач», – добавил герцог без восторга, хоть в душе был доволен: матч набирал интригу, и зрители начали делать ставки. Поэт краем глаза заметил суматоху вокруг кучки монет. «Может, поставишь на меня?» – спросил он у герцога.

²⁹ Игра, матч (*ит.*).

³⁰ Гейм в пользу миланца! (*ит.*)

Перерезание горла

Суд над Ромбо состоялся так быстро, что бедняга осознал происходящее, только когда его уже приговорили. Его схватили прямо в дверях Голубого зала, обвинили в измене короне, и он так и не смог объяснить, зачем, будучи французом и католиком, поехал оказывать профессиональные услуги еретику Генриху Английскому. В обвинительном акте, составленном тут же и подписанном в одном из двориков Лувра Филиппом Шабо, полномочным королевским министром и главой созданного к случаю военного трибунала, говорилось, что учитель фехтования и тенниса как дворянин имеет право на перерезание горла без предварительных пыток, поскольку король даровал ему пожизненные привилегии.

Лежа на полу и ощущая затылком острие клинка, которым королевский солдат готовился привести приговор в исполнение, Ромбо заплакал. «Насколько я знаю, – заметил Шабо, – Анна Болейн, женщина и монаршая особа, не проронила ни слезинки, когда ты отправил ее на тот свет, не дав возможности защищаться; если отдашь мне четвертый мяч, отпущу тебя», – добавил он и жестом приказал палачу отодвинуть шпагу.

Наемник пошарил в плаще, в рубашке и выудил дрожащей рукой кривоватый мяч, набитый остатками королевских кос. Шабо положил мяч в карман и произнес: «Убейте его».

Судя по тому, что история палача осталась – пусть и с большими искажениями – в народной памяти, слухи о его судьбе распространились в свое время весьма широко. Нельзя исключить и того, что именно они, перевернутые до неузнаваемости (как любые сведения, перекававшие Ла-Манш), подстегнули воображение Уильяма Шекспира, описавшего дерзкие притязания Генриха V на всю территорию Франции в прекрасной сцене, которая как бы повторяет вручение катышей Болейн со всеми зловещими предзнаменованиями.

В первом акте хроники Генрих принимает послов французского дофина: тот просит, чтобы король Англии перестал претендовать на Нормандию в обмен на сокровище, отправленное ему в дар. Сокровище находится в запечатанном бочонке. Король велит герцогу Эксетеру вскрыть бочонок – внутри обнаруживаются теннисные мячи, насмешка над незрелостью и неопытностью Генриха в политике. Чуть поразмыслив, король хладнокровно благодарит и принимает подарок со словами:

Когда ракеты подберем к мячам,
Во Франции мы партию сыграем,
И будет ставкою отцов корона³¹.

В разгар эпохи Просвещения, в переписке, которую Дени Дидро вел с мадам Жоффрен относительно продажи своей библиотеки Екатерине II, он следующим образом живописал финансовые трудности из-за приготовлений к свадьбе дочери: «Поначалу мы с супругой полагаем, что этот союз поможет нам немного сдержать давление кредиторов, а теперь будем рады, если он не сведет нас в могилу. Помолвка Анжелики обошлась мне дороже, чем Ромбо – его мячи».

К задней двери мастерской умельца, изготовившего катыши Болейн, тем же вечером принесли узелок с каштановой шевелюрой наемника со сверкавшими, словно молнии, безделушками в придачу.

³¹ Акт I, сцена 2. Перевод Е. Бируковой.

Правый мячик – святой отец

«Мои мячики – Господь Бог и король, я играю ими, когда захочу». Эти слова составляли часть единственного воспоминания Хуаны об отце. Воспоминание было жаркое, полное цветов, неизменно далекое: старик вернулся в Европу выбивать себе должности и милости, когда дочке было пять, и бесплодные интриги так затянулись, что он и скончался в Севилье, не вернувшись в край, который искренне считал своим – не по рождению, а по праву владения.

Хуана раз за разом воссоздавала в уме образ отца. Старик сидел на каменной скамье в бесконечном саду своего дворца – сад начинался в долине Куэрнавака и терялся где-то в дебрях перешейка Теуантепек. В воспоминании отец представлял седым, с ломкими волосами, но все еще облеченным аурой высокомерия и крепости, как всякий человек, который обладал властью и не стеснясь ею пользовался. Красивый, непреклонный старик: сдвинутые брови, сосредоточенное выражение лица, как у просветленного, грязноватая, но не запущенная борода. Он почесывал голову и слушал собеседника, чье лицо Хуана не помнила, – стариковские ногти бороздили седые заросли буйной шевелюры. Говорил подчиненному: «Мои мячики – Господь Бог и король, я играю ими, когда захочу». Едва заметно взмахивал правой рукой, будто отгонял насекомое. И оборачивался к ней, сидящей на другой каменной скамье.

Помнится, она испытывала одновременно благоговение и страх при виде серьезного человека, который одним движением бровей выносил бесчисленные смертные приговоры. Старик надувал щеки, косил глазом. Она в ответ заходила хохотом – возможно, нервным. Тогда он не без труда вставал и протягивал ей руку. «Ну-ка, пойдем побродим по саду». Следовала долгая прогулка по тропинке, проникновение в мир фруктовых деревьев, которые отец коллекционировал, и только им двоим были ведомы их имена: он сажал ее на плечи и спрашивал, как каждое называется на науатль³², на испанском, на чонталь³³.

Много лет спустя, будучи уже взрослой герцогиней Алькала и находясь так далеко от Куэрнаваки, что и воспоминания казались чужими, она спросила у матери, говорил ли отец когда-нибудь такие или подобные слова. Хуана была беременна Каталиной, старшей дочерью. Они вышивали в беседке, в саду дворца Сан-Андрес-де-лос-Аделантадос в Севилье; рабыни и дамы застыли в почтительной готовности; оранжевый свет лился с северной стороны в окна, с которых они велели снять ставни, чтобы Севилья стала немножко походить на Куэрнаваку.

Вдова подтвердила: слова про Господа Бога и короля частенько слетали с уст покойного мужа, особенно когда кто-то из его людей или, например, священник осмеливались намекнуть, будто очередной его поступок неправилен или недостойн христианина. Но куда более дерзкой, добавила мать, была вторая часть речения: «Правый мячик – его святейшество, а левый – священный император Карл I». «Тот еще старый козел был твой папуля», – сказала она на науатль к радости дам, приехавших из Куэрнаваки.

Хуана не помнила второй части, казавшейся матери столь забавной. Старуха немного подумала и предположила, что слова «я играю ими, когда захочу», скорее всего, дочь додумала сама, полагая, что отец имел в виду мячи, которыми играл в баскскую пелоту³⁴ с другими старыми вояками. «Ты тоскуешь по нему?» – спросила Хуана, прикасаясь к животу, в котором уже кувыркалась Каталина, будущая жена Педро Тельес-Хирона, герцога Осуны. «По кому?» – «По папе». – «Ну, мне он достался старым и богатым, мнил себя, бедняжка, настоящим дворянином и старался держаться, как подобает кабальеро». Слегка истерично хохотнула и

³² Название, под которым объединяются ацтекские индейские языки на территории Мексики. Классический науатль являлся лингва франка для народов долины Мехико в эпоху испанского завоевания.

³³ Один из языков майя (он же чонтальский, йокотан).

³⁴ Игра в мяч, распространенная в Стране Басков с XIII в. и отчасти напоминающая сквош.

продолжала: «Все равно что волк в камзоле». – «Но он тебе нравился?» Старуха потерла глаза и уронила вышивание на колени, чтобы следующие ее слова прозвучали более веско: «Да кому бы он не понравился? Сам Эрнан Кортес! Он всех и каждого обратал».

Выживание

От: Тересы Ариньо [tarino@anagrama-ed.es] 12 июня 2013

Кому: мне

Тема: Вторая правка

Альваро, шлю тебе файлы. Один с правкой (ее немного) и парой вопросов. Второй без правки для более удобного поиска. Пока берем последнее название, там от руки подписано. Жаль, в подзаголовке лишний слог.

Мяч теперь у тебя. Действуй.

Целую. Продолжаем работать.

Тереса

Сет первый, гейм четвертый

Начал ломбардец с неподражаемым натиском, но потом отвлекся. При счете *Love-30* появились Марфа и Магдалина, недавно отобедавшие и разодетые сообразно своей профессии – как шлюхи. Испанец, с головой ушедший в игру, не заметил их прихода. Зато его помощник долго их разглядывал: во-первых, ему показалось, что он их видел раньше, а во-вторых, взор они и впрямь радовали. Пропасть спортивного соперничества разделяла испанцев и итальянцев на корте, но на галерее Осуна сидел едва ли не плечом к плечу с секундантом ломбардца и ощущал аромат женщин.

Не в силах оторвать взгляда от юбок, герцог перебрал в уме мгновения прошлой ночи. Этих двух не было ни в борделе, ни в таверне. Долго мучился и наконец вспомнил: они были на картине, которую он успел в подробностях рассмотреть, томясь в приемной у банкира. Ветреные натурщицы изображали Марфу и ее кузину Магдалину.

Догадка озарила его, когда он узнал отметину на лице Марфы, странным образом притягательную. Это было огромное, словно материк, пятно на подбородке, которое художник с невероятной точностью воспроизвел на холсте. Они даже поговорили тогда про это: кому взбрело в голову поместить на картину какую-то шелудивую святую? Поэт в ответ заметил, что Магдалина, отличающаяся внушительной, сильной красотой, держит зеркало, символ тщеславия, рукой с кривым пальцем. Мир навыворот, сказал он.

Марфа села рядом с апостолом Матфеем – престарелым птенцом среди ястребов, – чтобы приглушить оживление, вызванное их с подругой появлением на галерее. Магдалина, напротив, с тем же вызывающим видом, какой имела в образе святой блудницы, осталась стоять у перил: зад отклячен, воинственная грудь выпячена. Когда она облокотилась о поручень, герцог подметил, как неестественно вывернут безымянный палец на ее левой руке. Художник исказил не действительность в угоду библейскому повествованию, а наоборот – библейское повествование в угоду действительности. Герцог поднял глаза и уставился на грудь Магдалины. Ее он тоже узнал, как не узнать: самая нахальная пара грудей в истории.

Когда испанцев приняли в трофейном зале банкирского дворца, им на глаза попала еще одна картина, весьма запоминающаяся, на которой та же самая – он только сейчас это понял, увидев ее вживую, – дамочка представала в другой, куда менее безмятежной библейской сцене обезглавливания на любовном ложе. Картина была прислонена к креслу: ей пока не нашли места из-за недостатка пышности в оформлении.

На холсте изображалось то мгновение, когда Юдифь, соблазвившая ассирийского военачальника Олоферна, обезглавливает его, сонного. Картина вышла кровавая, но бередила самые разные чувства: на ней натурщица и шлюха выказывала скорее похоть, нежели жажду мести, отрубая голову врагу Израиля. Она возбуждена до предела: соски так затвердели, что просвечивают и чуть ли не прорываются через рубаху. Это не иудейка-патриотка умерщвляет угнетателя своего народа, это убийца получает плотское удовольствие, проливая кровь мужчины, чье семя все еще стекает по внутренней стороне ее ляжек. Ее странное лицо выражает не отвращение к поверженному злодею и не гадливость от вида отрубленной головы, оно выражает наслаждение – оргазм.

В отличие от поэта, полностью сосредоточенного на матче, художник отвлекался вовсю: если игра позволяла (впрочем, даже если не позволяла), выкрикивал веселые грубости, нелепо фигурил, отбивая мяч, слал Магдалине воздушные поцелуи.

*Cacce per il spagnolo!*³⁵ – прокричал математик, когда поэт, благодаря нашествию распутниц, завоевал четвертое очко подряд. Герцог ринулся на корт забрать выигрыш с линии, на

³⁵ Гейм в пользу испанца! (*ит.*)

которую клали монеты. От поэта не укрылось: выигрыш такой крупный, потому что профессиональные держатели пари по-прежнему склоняются на сторону художника, хоть он, поэт, выигрывает без всякого труда.

С герцогом, когда тот спрятал деньги и протянул ему платок, он этими наблюдениями делиться не стал. Долго обмахивался, прежде чем вытереть туловище. Потом укрылся в полумраке галереи и передел рубашку, как всякий опытный игрок. Ломбардец остался в прежней, черной, которую не снимал со вчерашнего вечера, а может, и с самой покупки.

И тут в дальнем углу площади завиднелась герцогова охрана. Стражи приближались стремительно, придерживая шляпы. К галерее они подошли с уклончивым и неуклюже-застенчивым видом, как всякий, кто понимает, что не оправдывает жалованья. «Как у нас дела?» – поинтересовался один у Осуны. «Выигрываем; поставьте-ка чуток на нашего, дело серьезное». Все немедленно полезли в карманы. Главный, по имени Отеро и фамилии Барраль, показал остальным жалкую пригоршню медяков. Он был самый низкорослый, но и – возможно, как раз поэтому – самый задиристый из четверых. Его, узловатого и краснорожего, герцог любил больше всех за то, что тот не терял самообладания ни при каких обстоятельствах, – есть такой тип испанца, идущего напролом, что бы ни случилось. «Поголяли вчера, как султаны», – пристыженно пробормотал он откуда-то из глубин густой, как у оборотня, бороды. Герцог кивнул, отвел его за галерею, чтоб никто не видел, и отсыпал все выигранные монеты. Велел поторапливаться и сделать ставку до начала второго сета. Отеро ласково поглядел на кучку денег в ладонях и цыкнул зубом с нескрываемой алчностью. «И думать забудь, – предупредил герцог, – нам нужно моральное превосходство». Вернулись на галерею.

Усевшись, герцог заметил, что художник уставился на его капитана. Совсем оторвать взгляд от выреза Магдалины он не мог, но ухитрялся пялиться в обе стороны одновременно. Сдул волосы со лба, сдвинул брови, остро прищурил глаз. Липкий взгляд следил за Отеро, пока тот занимался пустяками: нес деньги к корту, делал ставку, возвращался на место.

Герцог сказал поэту: «Видал, как смотрит на Барраля? Чего это он, а? Любуется или хочет, как вчера, в драку полезть?» Поэт покачал головой: «Не думаю. Что было вчера, он помнить не помнит».

Теннис, искусство и древнейшая профессия

В «Книге Аполлония»³⁶ тирский царь, сбитый с пути бурей, попадает в город Митилену, где его дочь Тарсиана была ранее продана в дом сводника, а теперь надеется на спасение и, подобно Шахерезаде, оттягивает печальную судьбу: загадывает загадки, чтобы сколь возможно отдалить встречу с первым клиентом.

Аполлоний и Тарсиана встречаются, но не узнают друг в друге отца и дочь. Она бросает ему вызов, ведь слава человека хитроумного, способного разгадать любую загадку, летит впереди него. Одна из ее стихотворных ловушек – возможно, древнейшее упоминание теннисных мячей на испанском языке – такова:

Внутри космата, с виду же – плешива,
В утробе у меня таится грива,
Хожу я по рукам, бываю бита,
но в час обеда всеми я забыта.

Описание теннисного мяча в «Книге Аполлония» напоминает об откладываемом в долгий ящик занятии Тарсианы. Катмыш – словно выбритая в нужных местах женщина («с виду же – плешива»), которую поколачивают («бываю бита») и никогда не приглашают к столу («в час обеда всеми я забыта»), поскольку, пойдя «по рукам», она стала годиться лишь на то, чтобы скакать по площадям да зарабатывать деньги для других.

³⁶ Испанский стихотворный роман, написанный около 1250 г., на основе греческого романа «Аполлоний Тирский», относящегося предположительно к началу II в.

Завещание Эрнана Кортеса

Конкистадор был, по всей видимости, человеком приятным, несмотря на статус главного вершителя главного деяния века – а то и самого революционного деяния в истории. Собственная судьба печалила его, приводила в смятение и отдаляла от мира, зато во всем остальном он отлично разбирался до последнего дня. Внутренняя горечь не умаляла его деловитости и остроумия. Муки, коих было множество, он прятал за поволокой глаз, не смягчившихся и в старости.

Последние годы Кортес провел вдали от севильской знати, которая обожала бы его, потрудись он вести себя хоть чуть-чуть поприличнее и играть в придворные игры. Но он столько повидал на своем веку, что и не задумывался, зачем нужно сдерживаться и не чесать зад, коли чешется.

Он отнюдь не был затворником. В своем доме в Кастильеха-де-ла-Куэста устраивал вечера в компании цирюльника, священника, булочника, музыканта, игравшего в церкви, и местного поэта Лопе Родригеса, чье имя дошло до нас, потому что он часто подписывал бумаги Кортеса в качестве свидетеля и, по-видимому, декламировал классические эпосы, которые конкистадор ценил, хоть и терпеть не мог читать самостоятельно. Возможно, он к тому времени ослеп, кроме того, сделался в некоторой степени инфантильным и нерешительным. Как дети, когда они еще маленькие, предпочитал, чтобы ему читали вслух.

Любопытно, что всю жизнь конкистадор оставался верен одному коню. Когда Кордовец, на котором он вступил в Мексику, околел от старости в Севилье, он похоронил его в своем саду. И ни разу не садился верхом с тех пор, как у его коня кончились силы. Ясное дело, Кордовец был не средством передвижения, а железным бичом, в тысячи раз приумножившим территорию Священной Римской империи, но все равно сложно себе представить, что завоеватель Мексики, если требовалось отправиться в город за провизией, добирался туда на пыльной повозке священника или придавленный со всех сторон корзинами булочника.

Поэт Лопе Родригес сопровождал его во время последнего выезда, за три месяца до мирной домашней кончины. Эту историю мы знаем, потому что сохранилось несколько писем от него к вдове, остававшейся в Куэрनावаке. Ездили они к флорентийскому банкиру Джакомо Боти закладывать последние драгоценности, имевшиеся у Кортеса в Испании, чтобы тот мог расплатиться с врачом.

После смерти его добро распродали на паперти Севильского собора. В документе «Имущество маркиза дель Валье», составленном в сентябре 1548 года с целью узаконить торги, упоминались ношеное платье, шерстяной матрас, две жаровни, две простыни, три одеяла, столовый сервиз, кухонная посуда (медные кувшины и горшки), стул и две книги. Ни стола, ни остова кровати в списке нет: в свои шестьдесят семь Кортес по-прежнему ел и спал по-солдатски, хотя бедняком вовсе не был – приданого Хуаны Кортес хватило на покупку герцога Алькала, неплохой партии для дочки эстремадурского смутьяна.

Безыскусность севильских пожитков Кортеса есть признак чего-то отличного от бедности: тяги к уединению, общего равнодушия, невнимания к материям мира, отчужденности, вызванной то ли воспоминаниями о былой славе, то ли озлоблением оттого, что по-настоящему важного поста, предполагавшего большую бюрократическую власть, он не занимал с тех пор, как Карл I – левый мячик – сделал его маркизом и лишил титула генерал-капитана Мексики: конкистадор не понял, что это был пинок вверх, покуда уже маркизом не вернулся в Новую Испанию, где, как оказалось, всех интересовали исключительно его миллионы.

Вдова, в отличие от покойного супруга, подыгрывала двору, но с оскорбительной неохотой, единственно ради будущего Хуаны. Однако ничто не указывает на ее возможное недовольство жизнью. Покинув жаркий дворец в Куэрनावаке и возвратившись с Хуаной в Испанию,

она решила, что света с нее довольно, и превратилась в эту реликвию: женщину, которую все приглашали и целовали только потому, что когда-то она принадлежала конкистадору. С рабынями она говорила на банту³⁷, с фрейлинами – на науатль, а на испанском – разве только с дочерью: всем прочим просто улыбалась, словно персонажам затянувшегося сна. Ни в чье настоящее не вписывалась, поскольку представляла собой прошлое: сеньора Кортес, маркиза дель Валье.

Шпагу, копье, шлем и аркебузу, украшавшие стены дома герцогов Алькала, сохранил после смерти Кортеса поэт Родригес в надежде, что вдова предложит ему лично доставить их в исполинский дворец в Куэрनावаке.

Лопе сочинил цветистое, невнятное и глупое послание к маркизе дель Валье, в котором намекал, чтобы она оплатила ему дорогу до Новой Испании: он вручит ей оружие и в подробностях опишет последние благочестивые дни ее супруга. Помимо оружия, поэт уберет от торгов скапулярий³⁸ конкистадора и герб, который Карл I пожаловал Кортесам. Дон Эрнан сам придумал и из Мексики выслал императору в качестве образца этот на редкость уродливый герб.

³⁷ Группа языков, распространенных в Центральной, Южной и Восточной Африке.

³⁸ Здесь употребляется в широком смысле: предмет католического культа, носимый на теле.

La vermine hérétique³⁹

Король Франциск был несказанно рад заполучить катыши Анны Бoleйн, но ни разу не пользовался ими на корте. Человек образованный, чувствительный и лживый, он изобразил довольство, насмешливо разыграл спектакль, но так и не доставал катыши из шкатулки. Что естественно для подобной натуры, изнеженной и склонной к излишествам.

Франциска I не интересовали корты и безрассудные подвиги. Он благоволил поэтам и музыкантам, покровительствовал Леонардо, коллекционировал книги. Когда ему наконец удалось отбить Милан у Карла I, он методично вывез оттуда все классическое искусство и вновь проиграл город. Его коллекции легли в основание будущего музея в Лувре (он и здание перестроил) – и Национальной библиотеки. Он профинансировал так и не принесшую Франции новых земель экспедицию Джованни Верраццано, в ходе которой были открыты Вирджиния, Мэриленд и Нью-Йорк.

Как раз в Нью-Йорке и оказались в конце концов три мяча из кос обезглавленной королевы. Я видел их в Публичной библиотеке на углу Пятой авеню и 42-й улицы. Они хранятся в запасниках коллекции старинных спортивных снарядов.

В 1536 году король Франциск увез их во дворец Фонтенбло. «Там они и оставались, ни разу не видали корта, – рассказал мне куратор-американец, ответственный за их хранение. – Вероятнее всего, – продолжал он с интонациями человека, посвятившего долгие часы раздумьям над возможной судьбой мячей, – вскоре их перестали выставлять в качестве трофеев и нашли более скромный, но и более достойный способ применения: превратили в подставки для книг». – «Их доставали из шкатулки до того, как они попали в Америку?» – предположил я. «Маловероятно». – «Можно потрогать?» – «Нет». – «Как они оказались здесь?» – «Эндрю Карнеги⁴⁰ купил их вместе с собранием французских рукописей и отдал нам в дар – от него же у нас стальные балки, поддерживающие потолки подземных хранилищ». – «Это точно те самые, что Ромбо подарил Франциску I?» – настойчиво спросил я. Пальцем в перчатке он указал на неразборчивую надпись на одном из мячей: «*Avec cheveux à la vermine hérétique*». И с гордостью перевел: «Из волос непотребной еретички».

³⁹ Буквально: еретическая гадина (фр.).

⁴⁰ Эндрю Карнеги (1835–1919) – американский мультимиллионер и филантроп.

Герб Кортеса

Никто никогда не делал больше для какой-либо веры, чем Эрнан Кортес для католичества в эпоху Ренессанса, но сегодня, пять веков спустя после величайшего религиозного подвига всех времен, в Ватикане стыдливо опускают очи долу всякий раз, услышав имя конкистадора. Какой же сволочью надо было быть, чтобы не заслужить и толики признания, положив к ногам папы – его правого мячика – целый мир с бесчисленными животными, бесчисленными растениями, бесчисленными храмами, бесчисленными хижинами и сотнями тысяч дам и господ, которые любились в этих самых хижинах, словно кролики, – благо неизменно прекрасный климат позволял ходить почти нагишом?

Вообразим, как Кортес потеет в прокопченных, залитых кровью врагов доспехах, вообразим, как он направляет дула пушек на богов. Этот завоеватель – не просто воин, государственный муж или баснословный богач; он являлся скорее эпицентром урагана, накрывшего Атлантику на двадцать семь лет. Его ветра с корнем вырывали дома повсюду – от имперской Вены Карла I до Канарских островов, от Канарских островов до Теночтитлана⁴¹, от Теночтитлана до Куско: четыре миллиона квадратных километров, заселенных людьми, которым рано или поздно суждено было стать христианами, лишь потому что сорокалетний, ничем не примечательный эстремадурец расколотил мир на кусочки, словно горшок, сам того не сознавая.

Каждую секунду в Мексике рождается 4787 человек и умирает 1639, то есть, по грубым подсчетам, население растет на 2448 мексиканцев в секунду. Сущий кошмар. Всего в мире 117 миллионов мексиканцев – плюс неопределенное семизначное число в Соединенных Штатах. Можно прикинуть, что с 1821 года, когда Мексика стала независимым государством, по второе десятилетие XXI века на свет появилось примерно 180 миллионов мексиканцев. Из них всех один только Хосе Васконселос⁴² считал Кортеса героем. Его непопулярность достигает удивительных масштабов.

Существует, к примеру, невообразимый Мексиканский национал-социалистический фронт. Он состоит из тридцати двух скинхедов. Тридцать два дуболома, его составляющие, – поклонники Гитлера, но даже они на своем сайте не забыли написать, что Кортес был гадом. Маркиз дель Валье – жертва самого искусного очернения репутации в истории. Следуя его последней воле, тело конкистадора перевезли для упокоения в Мексику. Ни один из 1639 мексиканцев, скончавшихся в эту секунду, не был у его могилы; каждый из них воспротивился бы возведению памятника, установке мемориальной доски, да чего угодно, что напоминало бы о существовании Кортеса. Того же мнения будут придерживаться те 4787, что только что родились. Он совершил что-то ужасное и знал об этом: по завещанию отписал деньги на четыре тысячи мессы за упокой своей души. Если считать, что эти оплаченные авансом мессы ежедневно служились в приходской церкви Кастильеха-де-ла-Куэста, то, значит, и одиннадцать лет спустя после кончины его душу каждое утро с тревогой препровождали в чистилище.

Всем вышесказанным объясняется, почему в Мексике – и, думаю, в Испании тоже – никто никогда не видел герба Кортесов. На гербе был изображен щит, разделенный на четыре поля. На первом, серебряном, помещался двуглавый орел Габсбургов, представлявший Священную Римскую империю, которую конкистадор увеличил до пределов, не поддававшихся подсчетам его современников. На втором, черном, – три короны Ацтекского тройственного союза⁴³, над

⁴¹ Ацтекский город-государство на месте современного Мехико, основанный в 1325 г. и разрушенный испанскими конкистадорами в 1521 г.

⁴² Хосе Васконселос (1882–1959) – мексиканский историк, философ и политик.

⁴³ Союз между городами-государствами Теночтитлан, Тескоко и Тлакопан (все три находились на территории современного Мехико), существовавший с 1428 по 1521 г.

которым он одержал победу 13 августа 1521 года, в День святого Ипполита. На третьем, червленом, о доблести конкистадора напоминал лев, а на четвертом, лазоревом, изображался город Мехико, стоящий на водах. Вокруг щита, на манер каймы, обрамлявшей и украшавшей четыре эмблемы, вилась цепь, и с нее свисали отрубленные головы семи вождей, правивших городами на берегах озера Тескоко. Хорошим вкусом Кортес не отличался.

Герб и оружие так и не попали в Мексику, потому что к моменту смерти отца Хуане исполнилось четырнадцать и мать решила вернуться с ней в Испанию, подыскать партию под стать их неслыханному богатству, чем страшно разочаровала несчастного поэта Родригеса, который лишился возможности нажиться.

Вдова Кортеса с дочерью поселились в Кастильеха-де-ла-Куэста, где герб, оружие и скапулярий были вручены им в ходе торжественной церемонии, на которой присутствовала вся сомнительная компания, сопровождавшая конкистадора в последние дни. Продлилась церемония не дольше, чем варится яйцо. После чего дамы переключились на попытки породниться с герцогами Алькала, и это заняло у них немногим больше времени, чем вручение реликвий, поскольку все гранды Старой Испании – так Хуана Кортес называла страну, где ей уже начало не хватать воздуха, – были в долгах, как в шелках, и стремительно катились вниз по социальной лестнице.

Гигантские головы

Кардинал Франческо Мария дель Монте обладал всеми вообразимыми недостатками, способными покоробить контрреформационную курию, яркую поборницу нравственной чистоты. Он родился в Венеции, представлял в Ватикане сомнительные интересы Медичи и французской короны и имел неисчислимые капиталы, которые употреблял главным образом на то, чтобы развращать всех вокруг – в первую очередь собственную плоть. В число его друзей входили самые состоятельные банкиры в городе и целая плеяда кардиналов, способных при желании отравить существование папе. Кроме того, в его распоряжении находились разные музыканты, художники, поэты и певцы-кастраты, готовые в случае надобности распустить сокрушительные сплетни по всему Риму. За этой стеной дель Монте не чувствовал себя абсолютно неуязвимым – да и никто, кроме папы, не чувствовал этого в те времена упрямых кардиналов и распоясавшихся инквизиторов, – но мог позволить себе гораздо больше других. Его капризы и прихоти далеко заступали за довольно, впрочем, размытую черту приемлемого и даже законного.

Вопреки всему, кардинал дель Монте умер в старости, среднем достатке – жил он на широкую ногу, но вором не был – и отличном расположении духа. Папой он не стал исключительно потому, что недавно вступивший на престол Филипп IV Испанский вмешался в решение конклава 1621 года, чтобы преградить французской короне путь к вратам Святого Петра. Финальный раунд в Сикстинской капелле был проигран Алессандро Людовизи, будущему Григорию XV.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.